

Визит к золотодобытчикам

55 лет назад в Архангельске недолго был Никита Сергеевич Хрущев. Его поездка стала судьбоносной для областного центра

Почему Новиков шевелил губами?

Впрочем, сначала лидер страны побывал в Северодвинске, на Севмаше, где строили первые атомоходы, встретился с ракетчиками морского испытательного полигона Неноксы, вышел на крейсере в море, где наблюдал учения Северного флота. Какое-то значение тот рабочий визит Хрущева имел, но «оборонка» есть «оборонка» – мало что публикуется открыто, а вот последствия пребывания первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совета Министров СССР в Архангельске известны неплохо, однако напомнить о них стоит.

Как рассказывал собкор «Правды Севера» по Северодвинску Борис Линшиц, «северодвинцы почти все высыпали на улицы. Ждали гостя с утра, не расходились. Появился Хрущев в три часа дня. Горожане хорошо запомнили открытую улыбку Никиты Сергеевича».

В теплый день 23 июля 1962 года к причалу Воскресенского ковша приплыл с левого берега Северной Двины новый речной теплоход МО-257, Хрущев быстро сошел по трапу. К этой минуте первый секретарь Архангельского обкома КПСС Константин Александрович Новиков перестал шевелить губами. А прежде его видели как раз таким – он заучивал множество цифр и повторял их про себя, готовясь к приезду высочайшего гостя.

Стоял теплый день, из огромной толпы, встречавшей первое лицо СССР, раздавались крики приветствий. Затем автомашины двинулись вдоль Двины по направлению к Кузнечихе, повернули направо, выехали на проспект Ломоносова. Прибыла процессия на лесопильно-деревообрабатывающий комбинат имени Ленина. Там состоялся митинг, на котором Хрущев выступил с речью, услышанную многими архангелогородцами, так как ее передавали по городской радиосети.

К слову, так много народу собралось на митинг, что для того, чтобы видеть и слышать Хрущева, некоторым людям пришлось залезать на деревья и на крыши служебных построек.

Телеграфное агентство Советского Союза сообщало, что в Архангельске «тысячи жителей сердечно приветствовали Н. С. Хрущева». ТАСС говорил правду.

«Да здравствуют рабочие...»

«Я прошу, товарищи рабочие, инженеры, если я что не так сказал, тогда так сказать, не обижайтесь на меня, я от чистого дружеского сердца вам говорю, как я думаю, поэтому не стесняю себя. Думаю, что вы меня поймете». (Аплодисменты).

Никто не обижался. Народ был согласен с тем, что «даже враги, которые нас ненавидят, не могут сказать, что мы хотим войны», что для построения коммунизма, а «коммунизм – это изобилие», необходимо «бороться с лодырями, кото-

Н. С. Хрущёв беседует с рабочими комбината имени Ленина в Архангельске

рые, знаете, языком он за трех, а работать и за мальчика не хочет».

Смех и аплодисменты вызвал следующий пассаж оратора: «Вы знаете, если так вас сравнить образно, вы – золотопромышленники или золотодобытчики, вы своим трудом золото добываете. Сталин, видимо, постарев, он не глупый человек был, а постарел, при старости, видимо, бывает заворот такой мозгов, поэтому он увлекся, вот золота больше давай, и добывали, и туда людей гнали на это золото, и золото это стоило раза в три-четыре дороже, чем на рынке на международном... Так зачем мы взяли закрыли некоторые такие предприятия? Потому, что на кой черт нам золото, из золота что сделать? Ничего же вы не сделаете. Золото вы в суп не положите, из золота вы штаны не сошьете. Золото, Ленин когда-то сказал о нем пренебрежительно, золото, говорил, нам будет нужно, когда мы построим коммунизм, тогда мы уборные обще-

ственные будем, говорить, отделывать золотом».

Закончил гость свою речь так: «Да здравствуют рабочие – северяне, которые в более суровых условиях живут, чем другие. Желаю вам счастья и процветания! Да здравствует наша Коммунистическая партия! Да здравствует строительство коммунизма! До свиданья, товарищи!»

«Что я, персидский шах, что ли?»

Можно сказать, что архангелогородцы продолжали встречаться с Хрущевым, так как на основе его записок (одна из них называется «О поездке в Мурманскую и Архангельскую области и некоторых вопросах дальнейшего развития северных районов») были приняты важнейшие для нашего города постановления ЦК КПСС по РСФСР и Совмина РСФСР, а также Совета Министров СССР. В частности, была создана мощная строительная организация «Главархангельскстрой», город получал сотни тысяч квадратных

метров жилья в год. Бульжные дороги превратились в асфальтовые. Преобразилась набережная. Железнодорожный вокзал перенесли на правый берег. Появились новые микрорайоны. Главным исполнителем решений Москвы стал первый секретарь обкома компартии Борис Вениаминович Попов.

Журналист «Правды Севера» Евгений Салтыков в очерке «Уха для Хрущева», опубликованном в газете в 1989 году, сказал, что визит Хрущева «влил новую кровь в старый организм».

Не случайно руководителя партии и правительства повезли на ЛДК не по проспекту Павлина Виноградова (нынешний Троицкий), а по проспекту Ломоносова. Там ведь стояло множество деревянных домов. В ту пору в городе было всего-навсего около сотни каменных домов, все остальное – деревянные с печным отоплением и, как правило, не только без горячей, но и без холодной воды. Это у золотодобытчиков-то!.. Хрущев, как говорится, сделал выводы.

После митинга и прохода по цехам ЛДК значилась в программе визита поездка по Двине на той самой «мошке». Из кормового салона теплохода предусмотрительно убрали ковры, притащенные накануне из интерклуба: кто-то из ответственных лиц рассказал, что Хрущев за подобные ковры ругал московских речников: «Что я, персидский шах, что ли?» Как свидетельствует запись в судовом журнале, прогулка продолжалась 101 минуту.

Пока шел митинг, к теплоходу подъехал «Москвич» областной исполнительной власти, из машины вынесли и принесли на борт огромную кастрюлю с горячей, только что приготовленной ухой. Осталь-

ная еда уже находилась на столе в салоне теплохода.

Как вспоминал бывший председатель совнархоза К. К. Костров, ему уха из стерлядки («архиерейская») не совсем пришлась по вкусу – слишком жирная: перестарались, дескать, повара ресторана «Интурист», которые сготовили ее на курином бульоне. Однако Хрущев был доволен, просил передать мастерам своего дела благодарность. Благодарил и весь персонал, который обслуживал его поездку в Архангельске.

В Исакогорке Хрущев ждал поезд. Он попрощался с провожавшими его должностными лицами за руку. Стал подниматься в вагон. Одна из местных жительниц крикнула:

– Никита Сергеевич, приезжайте еще!

Хрущев, как он хорошо умел, отреагировал быстро:

– Приеду. Конь знает, где сытно кормят.

Некоторое время Новиков продолжал сопровождать Хрущева. Никита Сергеевич по-прежнему внимательно слушал Константина Александровича, впитывал в себя информацию о жизни Архангельска...

Под рюмку или без нее?

Никита Сергеевич Хрущев оставил о себе в Архангельске хорошие воспоминания. В свите Новикова находился тогдашний первый секретарь обкома комсомола, кандидат в члены бюро обкома КПСС, а в будущем многолетний первый секретарь облисполкома Виктор Михайлович Третьяков. В свое время у нас состоялся такой разговор:

– О Хрущеве много лишнего говорили, – сказал Виктор Михайлович. – В первые хрущевские годы был период активной хозяйственной деятельности. Тогда создали совнархозы, благодаря которым в нашей области начали развиваться легкая, местная промышленность, другие отрасли, связанные с обслуживанием населения. Хорошо поднималось сельское хозяйство.

– К слову, Хрущев никого не заставлял выращивать кукурузу у Полярного круга. Тут уж излишнее чиновничье рвение сказалось, которое, как и простота, хуже воровства. А там, где могли получать хорошие урожаи кукурузы на корм скоту, занимались этой культурой весьма успешно. Как в Коношском районе, например.

– Согласен. Надо было совершенствовать работу совнархозов, а не заниматься реорганизациями: промышленные и сельскохозяйственные райкомы КПСС и прочее. Нам Хрущев понравился: дотошный, видно было, что к людям с всей душой шел, что искренне о народе заботился... Выпивали за той знатной ухой или нет? Не помню. Правда, не помню.

«Забывчивость» Виктора Михайловича характерна, красноречива. В шестидесятые годы застолия были очень не похожи на те, что устраивались в девяностые, когда бюджетникам месяцами зарплату не выдавали, но широко на фуршетах гуляли. И вообще при Хрущеве пьянство не было национальным бедствием...

Сергей ДОМОРОЩЕНОВ
Фото Калестина Коробицына

Художник Василий Личутин останется в Мезени навсегда

Печальная весть из Мезени застала врасплох: умер Василий Личутин.

Работы Василия Личутина в Архангельском литературном музее.

Дней за пять до отъезда на свою родину он приходил к нам в Литературный музей и по традиции «совершал обход», будто хотел убедиться, что его работы по-прежнему украшают постоянную экспозицию. Они уже много лет находятся рядом с полотнами мезенца Александра Тярина, лешуконца Фёдора Фатьянова, пинежан Владилена Бутюкова и Дмитрия Клопова.

Картины Василия Личутина прижились в музее со времени первой его персональной выставки. Она состоялась в Архангельском Литературном музее в 1997 году по просьбе писателя Владимира Личутина, который попросил помочь брату, показать его работы жителям Архангельска. Музей пошёл навстречу и предоставил художнику целый зал. Тогда-то, то есть 20 лет тому назад, мы и познакомились с Василием, а затем и подружились. Сначала нас поразило, что он – Василий Васильевич, а его брат-писатель – Владимир Владимирович. Оказалось, что мама у них одна, а отцы разные.

Для выставки Василий привёз из Мезени свои работы, поместив их в самодельные рамы. Развешивать их рядом с картинами архангельских художников было нельзя – уж слишком неказистыми были самодельно изготовленные обрамления. После

некоторого раздумья мы убрали все работы архангельских художников, оставив лишь картины Василия. И они стали «смотреться»!

На открытие выставки пришли земляки, живущие в Архангельске. Глядя на работы, они не замечали неказистые рамки и любовались с детства знакомыми пейзажами родной земли и портретам своих земляков. Выставка прошла успешно, и почти все работы (за исключением тех, что художник подарил Литературному музею) были быстро раскуплены. Помним, на вырученные тогда деньги Василий закупил багет и впредь оформлял свои работы достойно. Добавим, что Музей выпустил и каталог выставочных работ. Всё было на высоком уровне. После этого Василий Личутин успешно выставлялся в Архангельске, Онеге, Москве, в Норвегии. Его работы давно «живут» не только в Баренц регионе, но и в Москве, С.-Петербурге, Свердловске, Хабаровске, Германии, Франции и даже в Бразилии.

В Норвегии произошёл интересный случай. Житель Тромсё купил у Василия мезенский пейзаж. На следующий день опять пришёл. Через переводчика объяснил, зачем пожаловал: «Я никогда не был в Мезени, но сегодня она мне всю ночь снилась». И приобрёл ещё одну работу нашего земляка.

Знаем, что Василий очень любил ездить на пленер в Верколу: «Там душа, как и в Мезени, отдыхает». И что интересно, когда он учился на вечерних рисовальных курсах при Академии художеств имени Репина в Ленинграде, его преподавателем был Фёдор Мельников, «друг души» Фёдора Абрамова, автор надмогильного памятника писателю.

Мы о нашем друге Василии Личутине и горюем вместе с Владимиром и Дусей Личутиными, Надеждой Мокеевой.

Борис и Людмила ЕГОРОВЫ.

Работа Василия Личутина из коллекции Архангельского литературного музея «Первый снег». 1996

